

УДК 63–05 (57)"19"(091)

DOI 10.18413/2075-4458-2018-45-4-705-713

КРИЗИС АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**THE CRISIS OF AGRARIAN RELATIONS IN SIBERIA
IN THE EARLY TWENTIETH CENTURE****М.И. Вторушин****M.I. Vtorushin**Омский государственный технический университет,
Россия, 644050, г. Омск, Проспект мира, 11Omsk State technical University,
11 Avenue peace, Omsk, 644050, Russia

E-mail: vtorushin-m2013@yandex.ru

Аннотация

Представлена проблема кризиса земельных отношений в Сибири в период столыпинской аграрной реформы 1906–1914 гг.; изучены внутренние и внешние факторы обострения краевого аграрно-крестьянского вопроса и влияние на этот процесс государственной политики переселения. Установлено, что аграрный кризис в России конца XIX – начала XX вв., который после революции 1905 г. обусловил политику перераспределения земельного фонда крестьянского землевладения между членами сельской общины в метрополии, потребовал от властей организовать переселение несостоятельной части крестьян в Зауральскую земледельческую колонию для разрешения ряда социально-экономических проблем Российской империи. Государственное переселение в Сибирский край с его аграрной, этнической и природно-климатической спецификой привело к формированию областного аграрно-крестьянского вопроса, который приобрел форму острого кризиса аграрных отношений в регионе. Проблема исследуется на основе диалектико-материалистического метода познания. Так, каждое положение изучается на принципах историзма, в связи с другими событиями эпохи и конкретным опытом истории.

Abstract

The article deals with the problem of crisis development of land relations in Siberia during the Stolypin agrarian reform 1906–1914 s; the external and internal factors of aggravation of regional agrarian-peasant question and the impact of the state migration policy on this process. It is established that the agrarian crisis in the end of XIX – beginning of XX centuries determined the aim of Russia to redistribute the land fund of peasants' landholding among the members of rural community in home country's provinces, primarily in the Chernozem area of the country and in the Volga region after the revolution in 1905, and required the authorities to organise the migration of the needy part of peasants of home country to the trans-Urals agrarian colony in order to solve the number of social-economical problems in the Russian empire. The practice of the state migration of European Russia peasants to Siberia with its agrarian, natural-climatic and ethnic particular characteristics at the turn of the centuries and the period of Stolypin's agrarian reform led to the formation of the regional agrarian-peasant issue which changed into the severe crisis of agrarian relations in the region. The problem is studied through the principles of dialectical materialism – historical method. The refore each statement is investigated in the historisms view in connection with other events of the epoch in the particular context of the time.

Ключевые слова: аграрный кризис, переселенческая политика, столыпинская аграрная реформа.**Key words:** agrarian crisis, migration policy, Stolypin's agrarian reform.

В начале XX века социально-экономические и политические проблемы общества России, накопившиеся за предшествующее столетие, переросли в первую русскую революцию. Так как главной причиной революции являлся аграрный вопрос, то процесс дальнейшей модернизации общественной жизни Российской империи увязывался с его немедленным решением. Вариантом разрешения аграрного кризиса в метрополии явилось массовое переселение неимущего крестьянства на свободные земли на востоке страны. Проблемы и перипетии процесса переселения несостоятельного крестьянства из губерний метрополии в Сибирь и Туркестан в 1906–1916 гг. рамках столыпинской аграрной реформы вызывали и вызывают неоднозначные оценки, поэтому изучение этого вопроса требует дополнительного рассмотрения для объективных выводов о характере и итогах данного правительственного мероприятия.

Аграрный кризис в губерниях метрополии, который параллельно разорял помещичьи и крестьянские хозяйства, ход первой русской революции вызвали в начале XX в. самую большую волну крестьянской колонизации Сибири. До начала Первой мировой войны в губернии и области края переселилось свыше 2 млн 700 тыс. человек [Тюкавкин, Шагин, 1987, с. 111]. Однако в Сибирском регионе уже сформировался в это время самостоятельный областной аграрно-крестьянский вопрос. Во многом он являлся следствием аграрно-переселенческой политики правительства конца XIX столетия по изъятию и перераспределению земельного фонда крестьян-старожилов региона в пользу ряда категорий крестьян-новоселов. На период активной фазы столыпинской аграрной реформы 1907–1910 гг., частью которой являлось государственное переселение на земли Сибири и Туркестана малоимущего крестьянства из ряда проблемных губерний Белоруссии, Великороссии, Малороссии и Прибалтики, пришлось дальнейшее углубление в Сибирском регионе областного аграрно-крестьянского вопроса.

Обострение областного крестьянского вопроса в период аграрной реформы 1906 г., который в дальнейшем перерос в глубокий кризис, было итогом до конца непродуманных мероприятий по переселению в Сибирь части крестьянства Европейской России после революции 1905–1907 гг., ибо правительственный вариант решения проблемы в известной мере рассчитывал на преодоление аграрного кризиса в метрополии через ускоренную мобилизацию ресурсов Зауральской земледельческой колонии империи. Опыт кампании переселения крестьян, связанной со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали 90-х гг. XIX века, дал в основном позитивные результаты и обнадеживал. Однако этот опыт П.А. Столыпина не был критически осмыслен, так как во внимание он принял лишь положительные моменты кампании, проигнорировав ее негативные стороны. В Сибири из-за спешности подготовки переселения все ранее допущенные ошибки при землеустройстве крестьян в конце XIX века имели фатальные последствия для аграрной реформы Указа 9 ноября 1906 г. Поэтому в 1910 г. после инспекционной поездки в Поволжье и Сибирь П.А. Столыпин признал, что «правительственная организация переселения во многом несовершенна» [Дубровский, 1963, с. 387].

Тем не менее переселение в Сибирь, по его мнению, должно было разрешить триединую задачу: во-первых, ослабить социальное давление крестьян метрополии на институт помещичьего землевладения [Ленин В.И., с. 332]. Например, П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин по итогам инспекции в Поволжье и Сибирь во Всеподданнейшей записке признали, что переселение за Урал неимущих крестьян – это «известный психологический клапан» [Столыпин, Кривошеин, 1911, с. 143]. Во-вторых, увеличить производство в регионе аграрной продукции, предназначенной на экспорт [Дякин, 2006, с. 542–543]. Так, П.А. Столыпин считал, что сбыт сибирского масла на зарубежных рынках приносит бюджету страны золота больше, чем все золотые прииски Сибири. В-третьих, расширить податную базу за счет размещения на казенных землях Сибири и Туркестана малоимущих крестьян из кризисных губерний метрополии [Горюшкин, 1976, с. 98–108].

Таким образом, в случае успеха переселения из проблемных губерний метрополии нуждающихся в земле крестьян правительство надеялось как на разрешение социальной

стороны аграрного вопроса в метрополии, так и на резкое увеличение производства товарной аграрной продукции, а также на серьезное расширение налоговой базы в восточных губерниях и областях Зауральской колонии Российской империи.

В ходе работ по водворению переселенцев выяснилось, что все продуктивные и удобные для заселения земли были исчерпаны при обустройстве линии Транссибирской дороги, о чем глава Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин еще в 1896 г. предупреждал правительство. По его данным, после сооружения железной магистрали и земельного обустройства новоселами прилегающих территорий в регионе оставалось 130 тыс. душевых долей, пригодных для размещения переселенцев [Столыпин, Кривошеин, с. 21]. Однако развитие аграрного кризиса в метрополии и огромный государственный долг империи обусловили иные решения правительства. Поэтому Переселенческое управление накануне кампании по переселению и землеустройству новоселов заявило, что в только в Сибири имеется не менее 3 млн душевых долей на 6 млн переселенцев [Сибирь, 20 ноября, № 264].

Однако вопреки официальным сообщениям о том, что «в одной только Сибири можно разместить без затруднений еще полсотни, а то и сто миллионов душ переселенцев» [Кауфман, 1906, с. 4], ситуация в регионе по вопросу о размещении новоселов была сложной из-за низкого качества большинства переселенческих участков, особенно в киргизских ковыльных степях и притаежной зоне Сибири. В первом случае переселенческие участки располагались вблизи солонцов, часто в безводной и безлесной местности, с суровыми климатическими условиями, где летом выпадает всего 300 мм осадков [Скляр, 1962, с. 244–245], а во втором требовались дорогостоящие работы по вырубке и корчеванию леса, прокладке дорог в таежных лесах и осушению болот [Огановский, 1921, с. 32]. По данным сборника «Вопросы колонизации», из 45 млн дес. земли, обследованных в 1907 г., к зачислению в колонизационный фонд были признаны лишь 11 млн дес. [Татищев, 1907, с. 237].

Тем не менее П.А. Столыпин считал сложившуюся практику размещения новоселов в Зауральской колонии России приемлемой: «нельзя по всей Азиатской России раздавать переселенцам землю даром. На одних и тех же условиях. Не различая лучшей земли от худшей. При таком размежевании никто не пойдет на худшие земли» [Столыпин, Кривошеин, с. 31]. В то же время он учитывал, что освоение новых земель требует значительного времени, что может отпугнуть нуждающихся в земле крестьян метрополии от переселения в Сибирь. Поэтому одновременно правительством была возобновлена практика отчуждения части освоенных земель старожилов в пользу переселенцев.

Для того чтобы создать новые селения и разместить в них значительную массу новоселов, власти на местах в исключительно жесткой форме изъяли в очередной раз большое количество земли у старожилов и аборигенов Сибири, т. е. все то, что было сверх установленной душевой земельной нормы в 15 дес. на одну мужскую душу, отчуждалось безвозмездно [Дорофеев, 2007, с. 105]. Важно, земельное обустройство крестьян-старожилов только началось, поэтому была опасность, что часть их законных земель также могла быть изъята. П.А. Столыпин тем не менее требовал от Переселенческого Управления в Сибири ежегодно заготавливать до 350 тыс. душевых долей, из которых не менее 50 % должны были быть созданы из отрезков старожильского владения [Столыпин, Кривошеин, с. 28]. Так, в 1909 г. у Томского Переселенческого управления затребовали заготовить 330 тыс. 650 душевых долей на 700 тыс. душ. Однако Управление смогло подготовить лишь 21 тыс. 157 душевых долей, так как земельный фонд в губернии уже был полностью исчерпан [Соловьева, 1967, с. 194–195].

Новый этап государственных землеустроительных работ не мог не вызвать всеобщее недовольство крестьян-старожилов политикой центральных властей империи. Губернский губернатор Н.Л. Гондатти в январе 1907 г. просил правительство более осторожно проводить землеустройство среди старожилого населения, так как неудачное решение земельного вопроса «может служить сильным импульсом к раздражению крестьянской массы, и если теперь в губернии нет аграрных беспорядков, то таковые, несо-

мненно, могут быть вызваны, если только мероприятия Правительства затронут интересы сибиряков-старожилов в ущерб последним» [Скляров, с. 517].

По этой причине переселенцы враждебно встречались аборигенами и старожилами края, и лишь небольшая часть (до одной пятой) новоселов осела в их селениях. По данным Е.И. Соловьевой, в губерниях Западной Сибири эта цифра составила 158 тыс. 458 душ мужского пола [Соловьева, 1964, с. 226]. Способом давления на новоселов, чтобы не допустить их приписки к сельским обществам старожилов, что давало право на общинную земельную и сенокосную долю, были сельские сходы, которые устанавливали плату за приемы по договору в среднем от 100 до 200 руб. с души мужского пола в Восточной Сибири, а в Западной Сибири – до 300 руб. [Тюкавкин, Шагин, с. 113]. Если учесть, что каждой семье переселенца выдавалась ссуда в 165 руб., то такой размер платы за приемный договор в общества старожилов для новосела был неподъемен. Кроме того, учитывая развитые традиции «полетовщины» в деревнях старожилов, когда переселенца заставляли платить буквально за всё: за проживание в деревне, за право проезда по дороге, за водой, за выпас скота и т. д. [Соловьева, 1966, с. 160], новосёлы и сами не стремились обустроиться в их селениях, основывая свои сельские общества на отведенных для них переселенческих участках [Соловьева, 1964, с. 228].

Ответом старожилов на новое сокращение фонда их землепользования стала кампания психологического давления на новоселов. Чиновник лесного ведомства по Енисейской губернии А.И. Комаров отмечал, что формой давления стала жестокая эксплуатация старожилами новоселов как приписавшихся, так и не приписавшихся к их селениям. Он ссылаясь при этом на информацию корреспондента газеты «Красноярская мысль» М. Шенфогеля, который сообщал, что в Акмолинской области старожилы нередко требовали 150–200 руб. за приписку мужской души. Кроме того, они закабалили целые семьи самовольцев в работники на самых тяжелых условиях, беря с них до 15 руб. за аренду пахотной десятины, по 3–5 руб. за выпас на общественном поле за коров и лошадей и по 50 копеек за каждую птицу. Брали с самовольцев за питье воды и за хождение по улицам по 5 руб. с семьи. Взимали плату «за дым», идущий из дымовой трубы, по 5 руб. в год от избы. Также штрафовали за скот и птицу, зашедших на поля и огороды старожилов, или просто забирали их к себе. В ряде сел челдонов брали по 10 копеек с новосела за вход в церковь во время богослужения [Комаров, 1913, с. 77].

Столыпинские переселенцы, исходя из сложившихся на новом месте проживания экономических и социокультурных противоречий, в свою очередь крайне негативно относились к крестьянам-старожилам. На почве жестокой эксплуатации старожилами самовольцев, доводившей до полного разорения и нищеты, их взаимные отношения обострялись и часто доходили до кровавых стычек. Число конфликтов росло, завися от численности новоселов в том или ином уезде, от плотности старожильского населения, традиций «полетки», размежеванности переселенческих участков, размера покосов и лесных угодий. Местные власти по ряду объективных и субъективных причин не все конфликты общин старожилов и переселенцев фиксировали¹.

Дальнейшее обострение отношений старожилов и новоселов пришлось на период создания в Сибири системы хуторов. Правительство нанесло к началу этой кампании серьезный удар по заимочным хозяйствам старожилов, которые в перспективе могли стать хуторским хозяйством. При размежевании казенных земель в Тобольской губернии в конце XIX века права владельцев заимок были нарушены. Заимочники, как правило, лишь числились в деревне, а основное хозяйство располагали на своей заимке. Несмотря на эту сибирскую специфику, все заимки, находившиеся внедеревенского поселения, были изъяты. Это разорило до двух третей владельцев заимок полного хозяйства, так как на превращенной в переселенческий участок заимке все хозяйственные постройки сносились.

¹ Российский Государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 329 (1907–1912). Оп. 1. Д. 413. ЛЛ. 44, 294 об., 296 об.

Практика показала, что длительное время данная земля оставалась не занятой новоселом и превращалась в крепь, требовавшую от нового хозяина новых трудовых усилий для восстановления пашни [Остафьев, 1892, с. 65–66].

Новый удар по заимке как потенциальной основе организации системы хуторов нанесли землеустроительные работы 1907–1909 гг. Вместо того чтобы сохранить на прежних местах крепкие, создававшиеся десятками лет и с большим трудом хозяйства, превратив их в хутора, землеустроительные партии ликвидировали большинство из них. В первую очередь это произошло с заимочными хозяйствами в степных и лесостепных районах региона, где в основном заимки располагались. Освободившиеся земли раздавали желающим создать хутор из числа новоселов. Это обострило отношения между массой бывших сибирских заимочников и хуторянами-новоселами¹.

Кроме противоречий между старожилами и переселенцами по вопросу о размещении новоселов на отрезанных у коренного населения землях, возникли противоречия и в среде самих переселенцев. Противоречия, которые по логике вещей не могли возникнуть среди равных по статусу и по материальному положению новоселов, были обусловлены ходом начального землеустройства крестьян, так как переселенцы прибывали одновременно на отведенные им участки. Первые брали себе лучшие переселенческие доли пашни и сенокоса, стремясь при этом иметь их непосредственно за околицей поселения. Они не брезговали захватить отрезок и от соседних долей, перенося межевые знаки. Те, кто прибывал последним, был в гораздо худших условиях, чем первопроходцы. Им оставались переселенческие доли меньшие по площади, худшие по качеству и с массой неудобных участков в дальней части общинного землевладения. Всё вместе это вело к хозяйственным потерям новоселов, прибывших последними, как по качеству, так и по размеру надела, «вследствие всего этого, естественно, получается значительная разница в экономическом положении между отдельными переселенческими дворами одного и того же участка» [Сборник статистических сведений, 1911, с. 9].

Данная практика обрекала поздних поселенцев на положение бедняков, вынуждая их из-за недостатка пашни и леса арендовать недостающие угодья у первопоселенцев или наниматься к ним в батраки на условиях натуральной оплаты труда. Свою роль в этом процессе играл «Закон о межевании» 1893 г., статья 301 которого гласила: «Если владелец явится, когда уже дача его совсем обмежевана, и будет требовать перемежевания, то ему в том отказать»². На почве несправедливого раздела среди новоселов переселенческих долей происходили споры. Община пыталась регулировать взаимоотношения первых и последних поселенцев. В одних случаях захваты по приговору схода крестьян переселенческой общины уничтожались, после чего земля поступала в общий раздел по числу надельных душ и работников, как вариант, часть захвата шла в раздел между членами поселения, а другая – оставалась в прежнем захватном состоянии, т. е. в незаконном с точки зрения официального положения о наделении крестьян душевой доли в 15 десятин. Однако когда крестьянский сход мог не прийти общему решению, удовлетворяющему всех участников конфликта, тогда захваты сохранялись полностью за прибывшими ранее на место оседания поселенцами [Сборник статистических сведений, с. 10], что не только сохраняло, но и развивало кризисное положение в общинах новоселов.

Во внутренние конфликты общин местные власти старались по традиции не вмешиваться. Как заявил П.А. Столыпин, «все сложные земельно-правовые отношения в сибирской общине, основанные больше всего на праве захвата трудом (заимки) известного количества земли, распутываются и разрешаются без особых осложнений по установившимся на местах или принесенным с родины вековым правовым понятием и обычаем» [Столыпин, Кривошеин, с. 56]. Это казусное явление в юридической практике Сибирского региона Российской империи, в отличие от метрополии, когда в вопросах землеустройства

¹ Там же. ЛЛ. 34, 45.

² Государственный Исторический архив Омской области (далее ГИАОО). Ф. 354. Оп. 1. Д. 19. Л. 20 об.

параллельно действовали два вида права – государственное и традиционное, вызвало на местах правовой нигилизм и неразбериху [Дорофеев, с. 32–35].

Противоречия в общине новоселов по вопросу о захватах, формирование на базе несправедливого и незаконного землеустройства социальных групп, расположившихся на противоположных полюсах крестьянского мира, вызывали у части состоятельных крестьян стремление уйти из общины на отруба и хутора, чтобы сохранить свои захваты от посягательств недовольных односельчан. В Томской губернии, по данным «Сборника статистических сведений об экономическом положении переселенцев за 1912 г.», вопрос о размежевании земель настолько обострился, что община начала производить сама раздел на отруба между своими членами. К началу Первой мировой войны земельные отруба в губернии охватили свыше шести млн дес. [Сборник статистических сведений, с. 10].

Запутанная ситуация внутри поселения новоселов с распределением поселенческой доли и неравенство размера надела сказывались на агротехнике. Испытывая недостаток земли и не имея возможности ее арендовать, поздние поселенцы вынуждены были эксплуатировать свои наделы до полной потери земель плодородия. Как писал свидетель процесса колонизации Т.И. Тихонов, «захватно-переложное пользование у переселенцев при тонком слое местного чернозема и ежегодных посевах одного рода хлеба, преимущественно пшеницы, и почти без плодосмена рискованно и разорительно: оно ведет к хищнической эксплуатации пахотной земли. И действительно, уже теперь недавно образованные крестьянские селения, которые по количеству и качеству земли могли бы считаться надолго обеспеченными землею, признают свои земли выпаханнами, а свое существование – малообеспеченным» [Кауфман, с. 30–31].

Проблемой кампании переселения, которая косвенно обостряла в Сибири аграрный вопрос, являлась слабость землеустроительных партий. Из-за малочисленности персонала, отсутствия надежных коммуникаций, дефицита времени и реального знания обстановки они на местах производили в авральном порядке землеотводные работы, допуская в отношении местного населения массовые злоупотребления. Чтобы разрешить проблему землеустроительных работ, ибо межевых чинов не хватало, были созданы сокращенные межевые курсы (один год), которые «выбрасывали готовых на все землемеров» [Сибирь, 13 ноября, № 258]. В итоге были вопиющие случаи, когда межевые линии переселенческого участка землеустроители проводили через приусадебные участки старожилов, дома и хозяйственные постройки, как это было, например, в деревне Барги Енисейской губернии [Комаров, с. 2]. О качестве работ выпускников курсов говорит случай из практики Акмолинского Переселенческого управления. В 1909 г. в Атбасарском уезде нарезано было 2 тыс. переселенческих доли, признанных комиссией ведомства «вполне годными» для заселения. Однако в 1910 г. при осмотре того же участка новая комиссия забраковала 1 200 долей, т. е. 60 % [Сибирь, 13 ноября, № 258].

Как резюмирует М.В. Дорофеев, «отсутствие достаточного количества опытных землемеров, а также скудное финансирование межевых работ не позволили столыпинскому землеустройству достичь значительных размеров в 1908–1909 гг.» [Дорофеев, с. 112]. Провести землеустройство с учетом интересов всех групп аграриев Сибирского края местные власти не смогли. Авторы Сибирской советской энциклопедии констатировали: «Благодаря этому существенные недостатки землепользований в виде многоотрубности, чересполосности, вклинивания земель и т. д. очень часто оставались неустранимыми» [Сибирская советская энциклопедия, 1929, стлб. 137].

Накладывались на развитие аграрно-крестьянского кризиса в Сибири и проблемы конфессионального характера, так как православные старожилы отличались религиозным абсентеизмом, а старожилы-староверы славились религиозной нетерпимостью по отношению к переселенцам. В этих условиях самодержавие стремилось использовать институт СРПЦ в качестве идеологического инструмента контроля над общественным сознанием всего местного населения. Для этого сибирская администрация проводила в местах расселения новоселов за счет государства и общин старожильского крестьянства строитель-

ство церквей. Так, в Барнаульском, Бийском и Змеиногорском уездах за девятнадцать лет было возведено и освящено 272 церкви, молитвенных дома и часовни. Культурные сооружения обеспечивались земельными участками в 99 дес., которые отграничивали из надельных сельского поселения [Шиловский, 2006, с. 68–69].

Эта практика вызывала протесты части старожильского крестьянства, особенно старообрядцев, что привело в ряде мест к кровавым столкновениям на религиозной почве [Шиловский, с. 71–72]. Например, еще в конце XIX века в д. Паутовой Бийского округа старожилы-старообрядцы не договорились с переселенцами о ценах на приговоры. В итоге большинство новоселов оказались на положении «непричисленных» жителей. Эти крестьяне подали жалобу епархиальному начальству, называя коренных паутовцев «гнездом раскола» и потребовали построить православную церковь. Возник конфликт религиозного характера, в ходе которого старожилы в селении организовали погром: «у переселенцев разламывали печи, рубили пригоны, били в окнах стекла, били самих переселенцев и т. п.» [Марусин, 1891, с. 43].

Большое влияние на углубление аграрно-крестьянского вопроса в Сибири оказывал институт «непричисленных» переселенцев, который состоял в основном из самовольно прибывших из России крестьян [Белянин, 2011, с. 103]. Сотни тысяч «самовольцев» и «непричисленных» к какому-либо обществу крестьян, а также масса легальных новоселов, бросивших непригодные к эксплуатации переселенческие доли, были во внутренней краевой миграции в поисках благополучного земельного устройства. Самый большой отряд «самовольцев» и «непричисленных» сосредоточился в наиболее благоприятных для земледелия районах Сибири – до 100 тыс. человек в Акмолинской области [Соловьева, 1966, с. 85] и до 454 тыс. человек в Томской губернии [Вопросы колонизации, 1911, с. 225]. Для сравнения, в это же время в Тобольской губернии, где земельный фонд уже был исчерпан, «непричисленных» было всего около 10 тыс. человек [Соловьева, 1964, с. 227].

На 1 июля 1910 г. неустроенных переселенцев, имевших на руках проходные свидетельства, числилось по Томской губернии 224 тыс. человек, в Акмолинской – 58 тыс., в Семиреченской – 37 тыс., Тобольской – 8 тыс. В то же время в Средней и в Восточной Сибири имелось еще 183 тыс. свободных переселенческих долей [Сибирь, 20 ноября. № 264]. Самовольные переселенцы наводнили в этот период все старожильские села, но больше всего их сосредоточилось в Тюкалинском уезде Тобольской губернии и в Барнаульском уезде Томской губернии, на которые пришлось 71,2 % неприписанных новоселов Западной Сибири. Причиной данного феномена являлась незавершенность в этих уездах мероприятий казенного поземельного устройства старожилов [Соловьева, 1964, с. 228].

Таким образом, стоит признать, что в Сибирском регионе к началу революционных катаклизмов 1917 г. обострился областной аграрно-крестьянский вопрос, имевший в качестве основного внутреннего содержания противоречия между разными категориями аграрного населения по вопросу землеустройства и землепользования, и второстепенного – противоречия «верхов» и «низов» краевой как старожильской, так и переселенческой деревни. Внешнее содержание областного аграрно-крестьянского вопроса составил комплекс противоречий крестьянства с системой самодержавия по проблеме унификации землеустройства, условий аренды казенно-оброчных и лесных статей, размера налогового бремени и натуральных повинностей. Обострение земельной проблемы в регионе в ходе проведения аграрной реформы Указа 9 ноября 1906 г. и колебания правительства Российской империи по проблеме административного статуса Сибири привели к общественному движению коренных сибиряков за суверенизацию Сибирского края.

Список литературы

References

1. Белянин Д.Н. 2011. «Непричисленные» переселенцы Западной Сибири в 1906–1914 гг. В кн.: Вестник Томского государственного университета. 2 (14): 102–105.

- Belyanin D.N. 2011. «Neprichislenny`e» pereseleney Zapadnoj Sibiri v 1906–1914 gg. V kn.: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2 (14): 102–105. (in Russian)
2. Вопросы колонизации. 1911. Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб., изд. Переселенческого управления. 9: 461.
- Voprosy` kolonizacii. 1911. Pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. SPb., izd. Pereselencheskogo upravleniya. 9: 461. (in Russian)
3. Горюшкин Л.М. 1976. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск, Наука, 342.
- Goryushkin L.M. 1976. Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917). Novosibirsk, Nauka, 342. (in Russian)
4. Дорофеев М.В. 2007. Земельные отношения в Томской губернии во второй пол. XIX – нач. XX в. Новокузнецк, КузГПА, 135.
- Dorofeev M.V. 2007. Zemel'nye otnosheniya v Tomskoy gubernii vo vtoroy pol. XIX – nach. XX veka. Novokuznezk, KuzGPA, 135. (in Russian)
5. Дубровский С.М. 1963. Столыпинская земельная реформа: из истории сельского хозяйства и крестьянства в начале XX века. М., АН СССР, 600.
- Dubrovskiy S.M. 1963. Stolypinskaya zemel'naya reforma: iz istorii sel'skogo hozyaistva i krest'yanstva v nachale XX veka. M., AN SSSR, 600. (in Russian)
6. Дякин В.С. 2006. Реформы П.А. Столыпина. В кн.: Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., ОЛМА-ПРЕСС: 536–560.
- Dyakin V.S. 2006. Reformy` P.A. Stoly`pina. V kn.: Vlast` i reformy`. Ot samoderzhavnoj k Sovetskoj Rossii. M., OLMA-PRESS: 536–560. (in Russian)
7. Кауфман А.А. 1906. Переселение. Мечты и действительность. М., Народное право, 37.
- Kaufman A.A. 1906. Pereselenie. Mechty i deystvitel'nost'. M., Narodnoe pravo, 37. (in Russian)
8. Комаров А.И. 1913. Правда о переселенческом деле. СПб., изд. Альшулера, 139.
- Komarov A.I. 1913. Pravda o pereselencheskom dele. SPb., izd. Al'tshulera, 139. (in Russian)
9. Ленин В.И. Переселенческий вопрос. Полн. собр. соч. Т. 21: 325–336.
- Lenin V.I. Pereselencheskij vopros. Poln. sobr. soch. T. 21: 325–336. (in Russian)
10. Марусин С. 1891. Переселенческое движение на Алтай. В кн.: Северный вестник. 7: 21–53.
- Marusin S. 1891. Pereselencheskoe dvizhenie na Altaj. V kn.: Severny`j vestnik. 7: 21–53. (in Russian)
11. Огановский Н.П. 1921. Народное хозяйство Сибири. Омск, изд. Сиботделения ВЦСП потребителей обществ, 175.
- Oganovskij N.P. 1921. Narodnoe hozyajstvo Sibiri. Omsk, izd. Sibotdeleniya VCzSP potrebitel'skix obshhestv, 175. (in Russian)
12. Остафьев В.А. 1892. Бытовые формы сибирского крестьянского землевладения и землепользования. В кн.: Юридический вестник. М., изд. Московского юридического общества. 1: 45–74.
- Ostaf'ev V.A. 1892. By`tovy`e formy` sibirskogo krest'yanskogo zemlevladeniya i zemlepol'zovaniya. V kn.: Yuridicheskij vestnik. M., izd. Moskovskogo yuridicheskogo obshhestva. 1: 45–74. (in Russian)
13. Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. 1911. СПб., тип. А.С. Суворина, 170.
- Poezdka v Sibir` i Povolzh'e. Zapiska P.A. Stoly`pina i A.V. Krivosheina. 1911. SPb., tip. A.S. Suvorina, 170. (in Russian)
14. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. 1912. Т. I: Западная Сибирь. Под ред. В.К. Кузнецова. СПб., изд. Переселенческого управления, Вып. I: 210.
- Sbornik statisticheskix svedenij ob e`konomicheskom polozhenii pereselencev v Sibiri. 1912. T. I: Zapadnaya Sibir`. Pod red. V.K. Kuzneczova. SPb., izd. Pereselencheskogo upravleniya, Vy`p. I: 210. (in Russian)
15. Сибирская советская энциклопедия. 1929. Т. 1. Под ред. М.К. Азадовского [и др.]. Новосибирск, Сибкрайиздат, 524.
- Sibirskaya sovetskaya e`nciklopediya. 1929. T. 1. Pod red. M.K. Azadovskogo [i dr.]. Novosibirsk, Sibkrajizdat, 524. (in Russian)
16. Сибирь: большая ежедневная прогрессивная внепартийная газета. Иркутск, 1910. 13 ноября. № 258.

Sibir': bol'shaya ezhdnevnyaya progressivnaya vnepartijnaya gazeta. Irkutsk, 1910. 13 noyabrya. № 258. (in Russian)

17. Сибирь: большая ежедневная прогрессивная внепартийная газета. Иркутск, 1910. 20 ноября. № 264.

Sibir': bol'shaya ezhdnevnyaya progressivnaya vnepartijnaya gazeta. Irkutsk, 1910. 20 noyabrya. № 264. (in Russian)

18. Скляров Л.Ф. 1962. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., ЛГУ, 588.

Sklyarov L.F. 1962. Pereselenie i zemleustrojstvo v Sibiri v gody' stoly'pinskoj agrarnoj reformy'. L., LGU, 588. (in Russian)

19. Соловьева Е.И. 1966. Переселение крестьян в Сибирь в конце XIX – нач. XX вв. (1893–1905 гг.). В кн.: Из истории Западной Сибири. Кемерово, Кемеровское кн. изд., Вып. I: 138–167.

Solov'eva E.I. 1966. Pereselenie krest'yan v Sibir' v konce XIX– nach. XX vv. (1893–1905 gg.). V kn.: Iz istorii Zapadnoj Sibiri. Kemerovo, Kemerovskoe kn. izd., Vy'p. I: 138 – 167. (in Russian)

20. Соловьева Е.И. 1967. Переселенческая политика царизма в период столыпинской аграрной реформы. В кн.: Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, Наука, Вып. 3: 190–200.

Solov'eva E.I. 1967. Pereselencheskaya politika czarizma v period stoly'pinskoj agrarnoj reformy'. V kn.: Obshhestvenno-politicheskoe dvizhenie v Sibiri v 1861–1917 gg. Novosibirsk, Nauka, Vy'p. 3: 190–200. (in Russian)

21. Соловьева Е.И. 1964. Характер переселенческих хозяйств Западной Сибири в период проведения столыпинской реформы. В кн.: Предпосылки Октябрьской революции в Сибири. Новосибирск, Наука, Вып. 1: 217–231.

Solov'eva E.I. 1964. Charakter pereselencheskix hozyajstv Zapadnoj Sibiri v period provedeniya stoly'pinskoj reformy'. V kn.: Predposy'lki Oktyabr'skoj revolyucii v Sibiri. Novosibirsk, Nauka, Vy'p. 1: 217–231. (in Russian)

22. Татищев А. 1907. Землеотводное дело по донесениям заведующих переселенческим делом в районах. В кн.: Вопросы колонизации. СПб., изд. Переселенческого управления. 1: 236–253.

Tatishhev A. 1907. Zemleotvodnoe delo po doneseniyam zaveduyushhix pereselencheskim delom v rajonax. V kn.: Voprosy' kolonizacii. SPb., izd. Pereselencheskogo upravleniya. 1: 236–253. (in Russian)

23. Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. 1987. Крестьянство России в период трех революций. М., Просвещение, 208.

Tyukavkin V.G., Shhagin E.M. 1987. Krest'yanstvo Rossii v period trex revolyucij. M., Prosveshhenie, 208. (in Russian)

24. Шиловский М.В. 2006. Конфессиональный фактор массовых переселений конца XIX – нач. XX века в Томской губернии. В кн.: Сибирь в истории России. Кемерово, Кузбассвузиздат: 67–72.

Shilovskij M.V. 2006. Konfessional'ny'j faktor massovy'x pereselenij koncza XIX – nach. XX veka v Tomskoj gubernii. V kn.: Sibir' v istorii Rossii. Kemerovo, Kuz-bassvuzizdat: 67–72. (in Russian)